

ПОДВИГ
СТАЛИНГРАДА
БЕССМЕРТЕН

Л. П. ОВЧИННИКОВА
**ЖЕНЩИНЫ
В СОЛДАТСКИХ
ШИНЕЛЯХ**

на фронте.

Среди тех, кто, впервые надев медицинский халат, стал военной сестрой милосердия, была и Мирдза Кришьяновна Крумина. Ныне ее хорошо знают ветераны 64-й (7-й гвардейской) армии. Вот уже несколько лет Мирдза Кришьяновна является секретарем московской группы ветеранов армии. Ее кропотливая работа, которую она ведет изо дня в день, помогла разыскать адреса сотен ветеранов, провести запомнившиеся традиционные встречи. М. К. Крумина перед войной училась на биологическом факультете Московского университета, работала в зоопарке. После окончания курсов медицинских сестер она ушла на фронт и была зачислена в хирургический полевой госпиталь № 2204.

— Под Сталинград наш госпиталь прибыл в июле 1942 года,— рассказывала Мирдза Кришьяновна.— Многие из нас еще не видели войны вблизи. Госпиталь разместился в поселке Прудбой, в небольших деревянных домиках. Помню, с какой тщательностью медсестры и санитары готовили палаты к приему раненых бойцов и офицеров. Вымыли окна, двери, стены. Застелили постели. Поставили полевые цветы на подоконники. И вот пошел первый поток раненых с переднего края. Их оказалось так много, что вскоре все домики были набиты битком. Раненые лежали не только на кроватях, но также и на полу, в проходах, коридорах. Размещать больше негде, но к нам привозят на машинах и подводах новые и новые группы. Многие приходили пешком. Принимали не только воинов нашей 64-й армии, но и других раненых, кто оказывался в расположении госпиталя.

Стояла жаркая летняя пора. Температура в тени доходила до сорока градусов. В тесных домиках стало нестерпимо душно. Случалось, что медсестры теряли сознание. Мы стояли часами у операционных столов. У нас отекали ноги. Медики сбрасывали сапоги и работали босиком. Бывало, что от усталости из рук падали бинты. Тогда врач говорит тебе: «Пойди отдохни». Времени на отдых отпускалось совсем немного.

На фронте многие медицинские работники стали донорами. Ежедневно для помощи раненым нужно было для переливания немало крови. Во фронтовых условиях под бомбежками и обстрелами нередко разбивало машины, на которых в госпитали везли медицинские препараты. И тогда одна за другой медсестры, перетягивая жгутом руку, подходили к столу, где стояли наготове чистые пробирки. Они отдавали частицу своей крови, чтобы спасти раненых.

Тяжело было видеть такую картину. Лежит на столе раненый в шоковом состоянии. Бледные лицо и губы, невидящие, запавшие глаза. Помочь ему в эту минуту может срочное переливание крови. Все было понятно без слов. Кто-нибудь из наших девушек должен дать кровь. Подходят Тамара Потапкина или Сима Абрамова и быстро готовятся к этой процедуре. Из руки донора в руку раненого по трубке поступает кровь. И тут же видишь, какое воздействие это оказывает на раненого. Глаза его открываются, кожа на лице розовеет. Ему помогли выйти из тяжелого состояния.

Невозможно подсчитать, сколько медсестры нашего госпиталя безвозмездно сдали крови. Бывали такие напряженные месяцы, когда при большом потоке раненых медицинские работники один за другим выполняли свои донорские обязанности через 3—4 дня. После сдачи крови нам, конечно, не давали выходного дня или усиленного питания. Если была возможность, из столовой донору приносили молока и сгущенки. И снова надо вставать за операционный стол,

помогать раненым. Знали, что должны спасать людей, таким был наш долг на войне.

В августе 1942 года госпиталь переместился в Сталинград. Врачи и медсестры работали в городе в тот день, когда тысячи фашистских самолетов обрушили бомбовые удары на жилые кварталы и предприятия.

— Мне кажется, в Сталинграде я плакала всего один раз,— говорила Мирдза Кришьянова.— Это было 23 августа. Наш госпиталь располагался в здании школы около элеватора. К нам привезли много раненых детей. Их находили в руинах. Невозможно было без слез смотреть на страдания детей. Они были ранены в череп, живот, ноги. Дети кричали от страха и боли. Звали своих матерей. Нам сказали, что матери многих из них погибли... Воздушной волной в госпитале выбило окна. Но медицинский персонал продолжал работу...

Спасая жизни людей, медицинские работники рисковали своей жизнью. Такова была суровая реальность войны. Вражеские летчики-разведчики, появляясь над городскими улицами или над степными районами, особо помечали на военных картах здания, где замечалось скопление раненых. Фашистское командование относило госпитали к числу тех наиболее важных объектов, которые подлежали бомбежке или артиллерийскому обстрелу. М. К. Крумина, как и другие фронтовики, особо отмечала мужество медицинских работников:

— Сколько раз это было — вдруг начинается бомбежка во время операции. У врачей и медицинских сестер на лицах марлевая повязка. Остались одни глаза. Неподалеку слышны взрывы. Видишь, как на лбу у кого-то выступает пот, глаза напряжены от страха. Но тут же замечаешь, как человек берет себя в руки и продолжает трудиться, несмотря на близкую угрозу смерти.

В селе Заплавном, где осенью 1942 года стоял госпиталь, нас часто бомбили. Однажды мы дали наркоз раненому, и в это время началась

бомбежка. Врач и медсестры инстинктивно упали на пол. И тут видим, что сосуд с эфиром треснул. У нас сразу весь страх прошел. Жизнь раненого оказалась в опасности. Мы бросились к нему.

Мужество военных медиков проявлялось не только в те наиболее опасные моменты, когда их жизни угрожала смертельная опасность. Многие медицинские сестры впервые на фронте увидели, какие тяжелые ранения и увечья приносит война. Недаром их называли сестрами милосердия. Они знали, что долг их не только в том, чтобы умело выполнять свои профессиональные обязанности — делать перевязки, уколы, раздавать лекарства. День за днем они узнавали еще и другую науку — доброго общения с ранеными. Медицинские сестры учились тому, чтобы тщательной заботой и ласковым словом вселить в раненых надежду на выздоровление, поддержать после сложных операций.

Бывали тяжелые мгновения... Перед тобой лежит смертельно раненый человек. В его взгляде и мольба, и понимание своей судьбы. Как ни тяжело это сознавать, но ты знаешь, что спасти раненого не удастся: слишком тяжелое увечье нанесла война. Но раненый что-то говорит тебе, спрашивает, наказывает написать родным. Уходят последние минуты его жизни. И ты, наклонившись к нему, говоришь ему ласково, что он обязательно вылечится, поправится, поедет домой, увидит родных, будет жить. А у самой душа сжимается от боли. Как мы относились к раненым? Это были защитники Родины, а значит — родные нам люди. Этим все сказано...